

Переосмысляя территорию¹

Джо Пейнтер

Введение

Территория возвращается. Она долго была чем-то вроде бедного родственника других пространственных понятий, а ее политическое значение до недавнего времени было исчезающе мало, но сегодня она кажется чем-то все более и более важным. Границы, безопасность, суверенитет, сецессия, вторжение и оккупация – понятия, обычно рассматриваемые как тесно связанные с территорией, – постоянно мелькают в новостях. Между тем в политической теории и философии модное понятие детерриториализации неотделимо от связанной с ней ретерриториализации. Время территории пришло. По крайней мере, все выглядит именно так.

Если какое-либо пространство и можно считать по сути своей «государственным», то это, безусловно, «территория». Тем не менее, несмотря на все масштабные дискуссии о территориальной реорганизации современного государства, об упадке и взлете политической значимости территории, а также о роли территории в осуществлении власти, природа территории как таковой – ее бытие и становление, а не ее эффекты и последствия – остается недостаточно осмысленной теоретически и слишком часто принимается как должное. Интенсивное взаимодействие с различными формами социальной теории, характерное для социально-экономической географии начиная с 1980-х годов, включало в себя всестороннее исследование и переосмысление многих основных концепций этой дисциплины, в том числе пространства, места, ландшафта, региона и масштаба. Однако до недавнего времени понятию территории не уделялось такого же внимания, по крайней мере в англоязычной литературе.

Интересно задуматься о причинах этого относительного пренебрежения. Правдоподобно предположить, что социально-экономическим географам критического направления понятие территории кажется в каком-то смысле даже неудобным. Этому есть несколько возможных объяснений, особенно если допустить хотя бы на минуту, что территория обычно понимается как *ограниченная* и в некоторых отношениях *однородная* часть географического пространства. Географическое мышление 1980-х и 1990-х годов пришло к ясному осознанию пористости и подвижности границ и предположительно вытекающего из этого уменьшения их политической значимости. Оно также все больше подчеркивало неоднородный характер пространства и места (или даже считало неоднородность их неотъемлемым атрибутом). В этих обстоятельствах обращение к понятию территории могло быть воспринято либо как анахронизм (поскольку мир изменился), либо как нечто реак-

Джо Пейнтер, географический факультет, Даремский университет; Lower Mountjoy South Road, Дарем, DH1 3LE, Великобритания.
E-mail: jmpainter@dur.ac.uk

Территория является важнейшим атрибутом государства и, как представляется, приобретает все большее политическое значение. Она также является одним из ключевых географических понятий, но избежала того значительного критического внимания, которое уделяется родственным географическим понятиям, и остается недостаточно теоретически осмысленной. Развивая идею Тимоти Митчелла о том, что государство следует понимать как эффект социальных практик, автор утверждает, что феномен, который принято называть «территорией», не является ни неизбежной основой государственной власти, ни тем более выражением биологического императива. Вместо этого территорию тоже следует интерпретировать как эффект. Этот «эффект территории» лучше всего понимать как результат сетевых социотехнических практик. Таким образом, нынешнее возрождение интереса к территории совершенно не опровергает и не фальсифицирует сетевые теории пространственности, а, наоборот, само по себе может рассматриваться как продукт реляционных сетей. Опираясь на эмпирический пример мониторинга региональной экономической эффективности посредством измерения валовой добавленной стоимости (ВДС), я показываю, что «территория» и «сеть» не являются, как это часто представляется, несоизмеримыми и конкурирующими принципами пространственной организации, а тесно связаны между собой.

Ключевые слова: пространственность государства; территория; эффект территории; сеть; регион; добавленная стоимость

Цитирование: Пейнтер Д. (2022) Переосмысляя территорию // Городские исследования и практики. Т. 7. № 2. С. 13–34. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp72202213-34>

1. Перевод с английского по изданию: Painter J. Rethinking Territory // Antipode. 2010. Vol. 42 No. 5. P. 1090–1118.

ционное (поскольку настойчивое желание видеть мир как множество ограниченных и однородных пространств предполагает страх перед другим и нетерпимое отношение к социальным и культурным различиям).

Возможно, понятие территории также смущает некоторых авторов своими туманными, но сильными ассоциациями с подобными понятиями в этологии и социобиологии. В конце концов, один из наиболее употребимых смыслов термина «территория» в обычном разговоре – ареал обитания животного, особенно в связи с агрессивным и оборонительным поведением. Конечно, все, что способно привести к протаскиванию социобиологических допущений в изучение человеческой деятельности, является злом для большинства критических социальных теоретиков. Подобное же недоверие к идеям, отдающим экологическим детерминизмом, возможно, усилило подозрительность, с которой иногда относятся к понятию территории. Хотя во многих обсуждениях территории предполагается, что в основе своей это политический феномен, представление о том, что территория также часто означает фиксированные границы, возможно, вызывает ассоциации с «естественными границами» и идеями XIX века об отношениях между культурой и окружающей средой: народы пустыни, народы гор, народы леса и народы равнин – с характерной для каждого особой невыразимой связью между культурой, природой и «территорией».

Возрождение территории

Относительно пренебрежительное отношение к концепции территории в географии начинает меняться. Причины этого найти нетрудно. Утверждение, что теперь мы живем в «мире без границ», всегда было преувеличением, но за годы, прошедшие после 11 сентября, границы стали гораздо более важными и более заметными. В новом терминале №5 аэропорта Хитроу огромные надписи над стойками паспортного контроля гласят: «Граница Великобритании». Споры о территории и суверенитете также стали ожесточеннее, чем когда-либо прежде. Летом 2008 года конфликт между Россией и Грузией из-за спорных районов Южной Осетии и Абхазии вылился в кровопролитие. Продолжается израильская оккупация палестинской земли. Война в Ираке выдвинула вопрос о суверенитете на первый план.

В таких обстоятельствах отмена пограничного контроля на многих международных границах внутри Евросоюза выглядит скорее проявлением европейской исключительности, чем предвестником космополитического мира, о котором, возможно, когда-то мечтали сторонники ЕС. Так или иначе, территориальная политика очевидна во многих странах внутри ЕС – в Каталонии, Ирландии, Бельгии и других местах.

Недавнее и явное возрождение политической значимости территории бросает очевидный вызов тезису о мире без границ, который отстаивают такие авторы, как Кеничи Омаэ [Ohmae 1990], и заявлениям о том, что мы наблюдаем «конец суверенитета» [Camilleri, Falk, 1992], хотя стоит отметить, что авторы, придерживающиеся социально-пространственной теории, часто предлагают более тонкие подходы. Например, сокращение власти национальных государств необязательно означает конец территории, о чем убедительно свидетельствует обширная литература о реструктуризации и изменении масштабов государственной власти и политических систем (см., напр.: [Brenner, 2004; Brenner et al., 2003; Jones, MacLeod, 1999; Swyngedouw, 2004]). В несколько ином ключе новая экономическая география (которая, как показывает Рон Мартин [Ron Martin, 1999], приняла довольно разные формы в экономике и географии) выступает за сохранение – или даже усиление – роли места, местности и региона в экономическом развитии, содействии инновациям и повышении конкурентоспособности.

Кроме того, возрождение территории как будто ставит под сомнение нынешнюю популярность сетевых подходов к социально-пространственной теории – от сетевого общества Мануэля Кастельса, основанного на пространствах потоков [Кастельс, 2000], до реляционного мышления в географии (напр.: [Massey 2004]) и оживленного взаимодействия этой дисциплины с акторно-сетевой теорией (напр.: [Bingham, Thrift, 1999]). За пределами научных кругов, безусловно, преобладают сомнения в отношении сетей; обычно считается, что люди врожденно и неизменно территориальны. Оборонительные национализмы представляются как «естественные» и предсказуемые выражения этнических различий. Министр правительства в предположительно левоцентристской администрации поддерживает закрытые сообщества [The Guardian, 2004]. Журналисты с готовностью ставят тем или

иным регионам диагноз «балканизации» со всеми коннотациями этого термина, говорящими о неисправимо племенной природе человека, скрывающейся под тонким покровом цивилизации. Уважаемые голоса в ЕС, предполагаемом оплоте толерантности и космополитизма, выступают против принятия Турции из-за ее непреодолимой инаковости [The Independent, 2002]. В более прогрессивном ключе территориальный взгляд на мир может утверждать ценность языков и культур меньшинств, самобытной кухни, художественных и музыкальных практик, а также бережный и экологически чувствительный подход к земле и ее плодам.

Сети, с другой стороны, стали широко ассоциироваться в общественном воображении с риском и опасностью. ИТ-сети передают компьютерные вирусы и детскую порнографию, делают возможным крупномасштабное финансовое мошенничество. Авиакомпании распространяют такие болезни, как атипичная пневмония и свиной грипп, перевозят нелегальных иммигрантов и способствуют разрушению окружающей среды через изменение климата. Террористы, торговцы людьми и наркотиками организованы в сети. То же касается (и в глубинке Америки и Англии кажется почти столь же устрашающим) экологических и антикапиталистических активистов. Глобальные финансовые сети создали такую сложную паутину взаимосвязей, что кредитный кризис в одной юрисдикции быстро передается во многие другие, что ведет к краху крупных финансовых институций, предотвратить который может только массивная государственная поддержка. Несмотря на множество свидетельств кочевого происхождения человеческого вида, кочевой образ жизни сегодня часто рассматривается как неестественный, а кочевые народы – от европейских цыган до австралийских аборигенов и бушменов Калахари – страдают от дискриминации, угнетения, недоверия и обездоливания.

Эти эскизы популярной политики территорий и сетей, конечно, чрезмерно упрощенные. Во всех видах публичного и частного дискурса, в том числе в популярной журналистике и выступлениях политиков-популистов, есть и противоположные взгляды и мнения, выражающие более позитивное отношение к сетям и предлагающие более скептический подход к территории. Тем не менее я полагаю, что в целом тенденция сегодня состоит в том, чтобы утверждать территориальный

взгляд на мир как выражение человеческой природы и (следовательно) как верный взгляд, видя в то же время в сетях источник тревоги, нестабильности, риска и нежелательных перемен.

Кто бы ни был прав или неправ в этом вопросе, имплицитное допущение почти всех дискурсов – академического, общественного и народного – состоит в том, что территория и сеть являются несоизмеримыми и конкурирующими формами пространственной организации и что территориальное и сетевое мышление несовместимы. В этой статье я попытаюсь показать, что это предположение ошибочно и что территорию лучше всего понимать как результат сетевых отношений. Основная линия аргументации такова. Феномен, который мы называем территорией, не является незыблемой основой государственной власти, тем более выражением биологического императива. Он не есть внеисторическая черта человеческой деятельности, и к нему не стоит взывать как к объяснительному принципу, который сам по себе не нуждается в объяснении: территория не является некоей пространственно-политической первопричиной. Наоборот, территорию следует интерпретировать главным образом как эффект: скорее *объясняемое*, чем *объяснение*. Адаптируя идею Бруно Латура, можно сказать, что, как и другие устойчивые и кажущиеся прочными черты нашего мира, этот эффект лучше всего понимать как результат сетевых социотехнических практик. Более того, сегодняшнее возрождение территории не только не опровергает и не фальсифицирует сетевые теории пространственности, но и само по себе может рассматриваться как продукт реляционных сетей. Таким образом, территория и сеть не являются, как часто полагают, несоизмеримыми и соперничающими принципами пространственной организации, а тесно связаны между собой. Однако эти связи необходимо идентифицировать достаточно точно. Важно не ссылаться на обобщенную «взаимность», «взаимодействие» или «диалектику» между территорией и сетью, которые оставляют само собой разумеющееся понятие территории нетронутым и просто добавляет к нему сети. Если мы серьезно отнесемся к сетевому происхождению эффекта территории, то традиционные представления о территории необходимо будет переосмыслить. Это, в свою очередь, могло бы позволить нам несколько по-иному думать о значении и последствиях территории – так сказать,

об эффектах эффекта. Например, с этой точки зрения территория с необходимостью является чем-то пористым, исторически обусловленным, изменчивым, неравномерным и преходящим. Это кропотливая незавершенная работа, полная неудач и пронизанная напряжением и противоречиями. Территория никогда не бывает завершенной, но всегда становящейся. Она также обещание, которое государство не в силах выполнить.

Территория и пространственность государства

На протяжении как минимум последних 500 лет понятие территории тесно связано с пространственностью государства. В политической теории многие влиятельные определения государства называют территорию его неотъемлемым элементом. Пожалуй, наиболее известны слова Макса Вебера:

Для современного государства формально характерен управленческий и правовой порядок, могущий быть измененным путем законодательства, на которое ориентируется также действие штаба управления. Порядок этот значим не только в отношении членов союза, как правило, подпадающих под его юрисдикцию по праву рождения, но в широком объеме и в отношении *любого действия, имеющего место на контролируемой территории (территориальная значимость)*². Также характерным признаком является легитимное насилие, вообще существующее сегодня лишь постольку, поскольку его допускает или предписывает государственный порядок... Этот монопольный характер государственного насилия представляет собой столь же важный признак его современного состояния, как и рациональный характер «учреждения» и непрерывный характер «предприятия» [Вебер, 2016, с. 111–112].

Для Майкла Манна именно централизованная территориальность государства и объясняет государственную власть [Манн, 2004]. По Энтони Гидденсу, современные государства отличаются от своих предшественников связью с четко ограни-

ченными территориями, на всем протяжении которых они единообразно осуществляют свою власть [Giddens, 1985]. Современная доктрина государственного суверенитета в международном праве основывается на понятии территории. Точно так же термин «юрисдикция» может относиться как к осуществлению юридических полномочий, так и к территории, на которую распространяются такие полномочия. В английском языке слово «страна» может использоваться как синоним и «государства», и «территории».

Понятие территории, задействованное в этих формулировках, несет в себе ряд допущений. Территории в принципе разграничены четкой границей, а не аморфным «пограничьем». Территории не пересекаются. Пространственная протяженность государственного суверенитета совпадает с территорией. Государственная власть осуществляется единообразно на всей территории, и граница отмечает радикальный разрыв в природе и силе власти. Такие допущения лежат в основе многих официальных доктрин международных отношений, как последние обычно понимаются государственными элитами, и часто закреплены в международном праве. К ним относятся «права» на самоопределение, территориальную целостность и невмешательство (ср.: [Elden, 2005b]), различие между внешней и внутренней политикой (см.: [Campbell, 1992]), контроль над наземными, подземными и морскими ресурсами и власть над отдельными лицами и группами населения, находящимися в пределах государственных границ.

Хотя руководители правительств и юристы-международники могут настаивать на том, что эти конвенции и доктрины являются абсолютными, они, конечно же, оспариваются политически и часто нарушаются на практике. Они также сопряжены со значительными концептуальными трудностями. Джон Эгню придумал фразу «ловушка территориальности» [Agnew, 1994], чтобы подчеркнуть ошибочное допущение о том, что пространственное измерение государственной власти и государственная территория конгруэнтны. Кроме того, процессы реструктуризации государства, начавшиеся в 1970-х годах, породили более сложные формы территориальной организации. Джеймс Андерсон [Anderson, 1996] предположил, что в ЕС возникли неосред-

2. В английском переводе текста Вебера в этом месте следует фраза, отсутствующая в русском переводе: «Таким образом, это принудительная организация, территориальная в своей основе». – Прим. пер.

невековые и постмодернистские формы территориальности, предполагающие дублирование полномочий и совместный суверенитет. Случаи разделов, деволуции и федерализации, казалось, свидетельствуют о пластичной природе пространственности государства.

Это растущее осознание пластичности пространственного аспекта государства связано с появлением реляционных подходов к осмыслению государства в целом. Многие авторы задаются вопросом, следует ли вообще рассматривать государство как отдельную сущность или как единого социального актора (см. обзор: [Painter, 2005]). В известной критике упорной реификации государства мейнстримной социальной наукой Тимоти Митчелл утверждает, что государство не является организацией или структурой, отдельной от остального общества, а должно пониматься как структурный эффект, то есть его «следует рассматривать не как реальную структуру, а как мощный метафизический эффект практик, создающих видимость существования подобных структур» [Mitchell, 1991, p. 94]. Именно аргументация Митчелла во многом вдохновила эту статью. Предположение о том, что государство лучше всего концептуализировать как эффект практик, можно в равной степени применить и к пространственности государства, и, в частности, к территории. Действительно, сам Митчелл отмечает, что территориальные границы можно понимать именно так:

Например, одной из характеристик современного государства является граница. Устанавливая территориальную границу и осуществляя абсолютный контроль над ее пересечением, практики государства определяют и помогают создать национальную единицу. Установление и охрана границы включают в себя целый ряд достаточно современных социальных практик – непрерывное ограждение из колючей проволоки, паспорта, иммиграционные законы, проверки, валютный контроль и так далее. Эти обыденные изобретения, большинство из которых не были известны еще две-три или даже сто лет назад, помогают создать почти трансцендентную сущность, национальное государство. Эта сущность начинает казаться чем-то гораздо большим, чем сумма составляющих ее повседневных действий, представляясь структурой, заключающей

в себе человеческие жизни и придающей им порядок и смысл [Mitchell, 1991, p. 94].

Центральный тезис этой статьи состоит в том, что территорию следует понимать главным образом как эффект именно тех «социальных практик», на которые ссылается Митчелл, хотя в соответствии с современными взглядами в географии я предпочитаю термин «социотехнические практики». (Даже упомянутые Митчеллом ограждения из колючей проволоки ясно говорят о том, что в производстве территории материальное и техническое переплетаются с социальным.)

Эти практики являются продуктом сетевых отношений, в которых участвуют как люди, так и неодушевленные акторы. География таких сетей во многом отличается от географии территорий (или, точнее, географии эффектов территории), которые они порождают. Во-первых, сети могут распространяться в пространстве и времени очень широко, вовлекая в создание территории людей и вещи, находящиеся очень далеко друг от друга. Кроме того, пространственная структура сети может быть паутинообразной (со множеством пересекающихся связей) или более линейной (с меньшим количеством отношений, которые организованы последовательно), но в любом случае она сильно отличается от структуры территории, которая, как обычно считается, должна включать ограниченную и непрерывную часть пространства.

Во второй половине статьи я развиваю эти аргументы с помощью анализа эмпирических случаев. Сначала, однако, я хочу более подробно рассмотреть трактовку понятия территории в социально-экономической географии, опираясь как на англоязычную, так и на франкоязычную литературу. Поэтому в следующем разделе рассматриваются две характерные черты этой трактовки: тот факт, что понятие территории обычно принимается как нечто само собой разумеющееся и не исследуется, а также чрезмерное расширение этого термина для обозначения чрезвычайно широкого круга явлений. Эти черты предполагают, что есть возможности для определенного переосмысления. Недавние работы Жака Леви и Мишеля Люссо указывают на плодотворное направление, вводя концептуальную точность и вновь подчеркивая неизбежно и активно политический характер территории.

Концепция территории в социально-экономической географии

Само собой разумеющееся понятие?

Важное значение, которое получили сегодня конфликты, связанные с географическим пространством, отражается в росте академической литературы, посвященной территории и территориальной политике. На сегодняшний день, например, существуют учебники по этому предмету (напр.: [Delaney, 2005; Storey, 2001]), и несколько авторов рассматривают территорию как один из ключевых концептов для изучения политической географии [Häkli, 2001; Newman, 1999a; 1999b; Paasi, 1999; 2003] и глобальной политики (напр.: [Elden, 2008]). Со времен новаторской статьи Джона Агню о «ловушке территориальности» [Agnew, 1994] географическая литература, посвященная территории, значительно выросла. Тем не менее остается место для дальнейших размышлений. Несмотря на растущий интерес к территориальной политике и к последствиям территориально упорядоченного и заново переупорядоченного мира, идея территории остается недостаточно теоретически осмысленной. По словам Стюарта Элдена, «территория обычно не кажется чем-то проблематичным. Теоретики в целом не удосуживаются давать определение этому термину, считая его очевидным и не заслуживающим дальнейшего изучения» [Elden, 2005a, p. 10]. Хотя значение территории горячо обсуждается, самому понятию, его генеалогии, концептуальным предпосылкам и даже его точному значению уделяется меньше внимания. В работах о растущем значении территории обычно можно либо обнаружить то, что это слово остается без определения, а его значение просто подразумевается, либо предлагается единственное простое определение без какой-либо критики или дальнейшего обсуждения. Это может не иметь значения для убедительности аргументации каждой конкретной работы, но в совокупности это означает нечто вроде коллективного пренебрежения концептуализацией этой все более важной идеи.

Во введении к важному сборнику работ о войне, гражданстве и территории Дебора Коуэн и Эмили Гилберт вводят понятие территории следующим образом:

«Территория» – это термин, который часто используется как равнозначный «земле» или «пространству», но имеет более конкретные коннотации. Территория – это земля или пространство, с которыми что-то *сделали*, – они претерпели некоторое воздействие. Территория – это земля, которая была идентифицирована и присвоена каким-то человеком или людьми... Это ограниченное пространство, которое требуется защищать – чтобы претендовать на определенного рода суверенитет – от посягательств со стороны других, которые воспринимаются как чужаки [Cowen, Gilbert, 2008, p. 16].

Эта формулировка довольно типична, и других сопоставимых определений предостаточно. Согласно Дэвиду Стори, «территория относится к части географического пространства, на которую претендует или которую занимает лицо, группа лиц или организация. Таким образом, это область “ограниченного пространства”». [Storey, 2001, p. 1]. Для Дэвида Делани территория – это «ограниченное социальное пространство, которое приписывает определенный смысл определенным сегментам материального мира» [Delaney, 2005, p. 14]. По мнению Кевина Кокса, территория и территориальность являются «ключевыми понятиями политической географии», причем

территорию следует понимать через ее отношения к той деятельности, которую мы определяем как территориальную: другими словами, к осуществлению территориальности... это означает, что в дополнение к связи территории с некоей областью и границей она также связана с защитой: территории – это пространства, которые люди защищают, исключая одни виды деятельности и включая другие, которые улучшат или усилят то на территории, что они хотят защитить [Cox, 2002, p. 2–3].

Все эти определения поразительно схожи. С точки зрения риторики они представляют собой утверждения: «территория – это А» или «территория – это Б». Если не считать вступительного предложения в цитате Коуэн и Гилберт, у читателя не остается понимания, что с означаемым «территория» могут быть связаны совершенно разные понятия. Справедливости ради следует отметить, что в самих текстах, из которых взяты эти цитаты, сложности,

связанные с понятием территории, рассматриваются гораздо более подробно. Я хочу сказать, что такие обсуждения редко сразу начинаются с открытого признания, что этот термин нагружен разнообразными и, возможно, конкурирующими значениями.

Растяжимое понятие?

Действительно, нет недостатка в различных и конкурирующих между собой значениях, в которых слово «территория» используется на практике. Согласно Мишелю Люссо, это понятие стало чересчур растяжимым:

Многочисленные социальные науки (конечно, география, но также и антропология, социология, экономика и политология) стремятся превзойти друг друга в использовании понятия территории и его вариантов, таких как прилагательное «территориальное», иногда в виде соответствующего существительного, и существительное «территориализация» – чаще всего без какого-либо действительно точного, явного и стабильного определения [Lussault, 2007, p. 107].

Боб Джессоп, Нил Бреннер и Мартин Джонс называют эту тенденцию «методологическим территориализмом, который собирает под рубрикой территориальности все аспекты социально-пространственных отношений» [Jessop, Brenner, Jones, 2008, p. 391]. Как говорит Ансси Паази,

В территории сходятся несколько важных измерений социальной жизни и социальной власти: материальные элементы, такие как земля, функциональные элементы, такие как контроль над пространством, и символические измерения, такие как социальная идентичность. Временами этот термин используется более расплывчато для обозначения, в различных пространственных масштабах, частей пространства, которые географы обычно называют регионом, местом или местностью [Paasi, 2003, p. 109].

Сложности и конкурирующие варианты использования этого термина были раскрыты Жаком Леви в его обширной статье о территории (*territoire*) в «Географическом словаре» издательства Белин [Lévy,

2003b]. На самом деле примечательно, что этот словарь посвящает *territoire* 10 страниц, включая статьи трех разных ученых – Леви, Бернара Дебарбье и Жана-Поля Феррье. Сравните это со статьей о территории в 215 слов, написанной Джоном Эгню для «Словаря социально-экономической географии» 2000 года издательства «Блэкуэлл» (*Blackwell*). В зависимости от точки зрения, эта разница в весе отражает либо большую изощренность, либо большую путаницу, характерную для французской литературы и споров о территории! (Справедливости ради следует также отметить, что средний размер статей в упомянутом французском словаре больше, чем в английском.)

В статье Леви выделяется восемь «определений» или способов использования, а именно:

1. Во время научно-пространственной («модернистской») фазы развития географии территория была отвергнута в пользу пространства (*espace*) из-за более «математических» коннотаций последнего и предположения, что использование термина «территория» подразумевает приверженность исключительности и невозможность сравнения.
2. Синоним «пространства» (*espace*) – противоположность значению 1. Здесь территория предпочтительнее именно потому, что предполагается, что она более укоренена в исторической реальности, чем более абстрактное «пространство». Леви отмечает, что эти два термина могут использоваться как взаимозаменяемые в одном и том же тексте.
3. Синоним «места» (*lieu*). В последнее время используется в географии, но преимущественно в политологии и экономике, где заменило «локальное» и имеет коннотации определенной укорененности и идентичности, которые могут служить ресурсами для развития. В экономической географии «территориальный» часто используется для обозначения чего-то локального в противоположность глобальному.
4. Эпистемологический ход, призванный отличить реальность от понятия. «Территория» относится к социализированному пространству как таковому, тогда как «географическое пространство» (*espace géographique*) – это интеллектуальная конструкция, которая позволяет его помыслить.

5. Регулируемое и ограниченное пространство (*espace contrôlé-borné*)³. Самое старое и долгое время наиболее распространенное определение, недавно возрожденное Робертом Сэком в книге «Человеческая территориальность» [Sack, 1986]. Это преобладающее значение термина в политологии и теории международных отношений.
6. Животная метафора, заимствованная из этологии и биологии. Исключительный контроль часто является результатом насилия.
7. «Присвоенное» пространство (*espace approprié*). Расширение предыдущего определения. Иногда используется в этом смысле для обозначения того компонента пространства, который связан с идентичностью.
8. Историческая периодизация. При таком употреблении история географии делится на три фазы, соответствующие «среде», «пространству» и «территории». С этой точки зрения территория, с упором на социальную и индивидуальную идентичность, позиционируется как альтернатива «геометрической картезианской пространственности».

Затем Леви переходит к критическому анализу этих различных словоупотреблений. У каждого, считает он, есть свои преимущества, но и свои недостатки. Первые четыре «обездвиживают» (*immobilizer*) термин, либо отвергая его, либо заставляя его занимать место другого, либо придавая ему «чрезмерно общее значение» [Lévy, 2003b, p. 908]. «То же относится и к определению 7, которое кажется конкретным, но на практике обозначает все социальное пространство: какой социальный (а это значит, и *природный*) объект не является каким-нибудь образом присвоенным?» [Ibid.]. Тенденция использовать «территорию» для обозначения частей пространства, которые приобрели субъективное или символическое значение, также ничему не помогает, полагает Леви, поскольку все пространства, представляющие интерес для социально-экономических географов, обладают такими характеристиками. Предпочтение, отдаваемое англоязычными географами термину «место» (*place, lieu*) в этом контексте не помогает, утверждает Леви, «поскольку это

приводит к тому, что “место” переводится как “территория”, и наоборот, но эти два элементарных и в то же время фундаментальных термина ни один географ не может считать синонимами» [Ibid.].

Идея периодизации также отбрасывается, оставляя определения 5 («регулируемое и ограниченное пространство») и 6 (этологическое). Эти два определения, утверждает Леви, являются частными случаями более широкого класса пространств, включающих все объекты, определяемые непрерывной или топографической «метрикой» (*métrique*). Понятие «метрика» или «способ измерения и обработки (*traitement*) расстояния» относительно незнакомо в современной англоязычной географической литературе, возможно, из-за его научно-пространственных коннотаций. Леви различает два больших «семейства» метрик: топографические, включающие пространственно непрерывные объекты, и топологические, включающие сети и ризомы. Результатом этого процесса критики и классификации является определение «территории» как «метрического топографического пространства» (*espace à métrique topographique*).

Несколько иная пространственная типология разработана Мишелем Люссо в его недавней книге «Человек пространственный» [Lussault, 2007]. Как и Леви, Люссо подчеркивает путаницу, окружающую понятие территории:

Склонность использовать территориальную лексику, без определения ее границ и уточнения ее содержания, чтобы установить ее в качестве универсального дескриптора всего очеловеченного пространства, короче говоря, поддаваться магии слова, стала особенно заметна с начала 1990-х годов. Проблематичность этой тенденции, надо ясно это сказать, заключается не в том, что термин становится слишком расплывчатым, а в его тривиализации, то есть в распространении его во всех направлениях без точного и стабильного содержания. Во многих исследованиях территория слишком часто становится ширмой, скрывающей пустоту [Lussault, 2007, p. 107].

3. Французское слово *contrôlé* обычно означает «проверяемый», «подвергающийся надзору» или «исследуемый», а не «контролируемый» в английском смысле («управляемый» или «направляемый»), что затрудняет точный перевод термина Леви. «Регулируемый» не является точным переводом, но, кажется, передает смысл лучше, чем «контролируемый». Здесь не имеется в виду теория регулирования!

Решение Люссо состоит в том, чтобы выделить три типа социального пространства вместо двух, предложенных Леви. Это место (*lieu*), область (*aire*) и сеть (*réseau*). Место относится к «неделимому пространству». Подразумевается, что места демонстрируют внутреннее социально-пространственное единство, которое было бы утрачено, если бы они были разделены. Область, с другой стороны, является «топографическим, делимым пространством». Область состоит из непрерывного пространства. Сети, утверждает Люссо, включают «топологическое, не непрерывное пространство» и представляют собой пространство связей.

Люссо, как и Леви, помещает понятие территории в топографическую категорию: более того, он утверждает, что территория – это «идеальный тип области». Люссо выделяет три основных способа употребления этого термина – в отличие от восьми у Леви. Во-первых, предполагает он, существует «обычное» понимание территории, определяющее ее как «простое продолжение земной поверхности, более или менее ограниченное и предположительно однородное» [Lussault, 2007, p. 108]. Во-вторых, это политическое определение территории, которое имеет преимущество точности. Наконец, есть этологическое определение, которое, согласно Люссо, является источником упомянутой выше терминологической «растяжимости».

Политическое «приумножение ценности» территории

Каждый по-своему, Леви, Люссо и Пааззи подчеркивают несколько расходящиеся дискурсы о территории в англоязычной и франкоязычной литературе. Эта тема была подробно исследована Бернардом Дебарбье [Debarbieux, 1999; 2003, p. 41–43]. Англоязычное словоупотребление, как правило, строже, оно подчеркивает правовые и политические аспекты территории и делает упор (часто формальный) на границы и институционализацию. Во французском и других романских языках значения этого слова обычно более «мягкие», а такие термины, как французский *territoire* и итальянский *territorio*, часто подразумевают «регион» или «место» (см. третье определение Леви выше). Возьмем вполне обыденный пример: *Centro Ricerche Urbane, Territoriale e Ambientale* (CRUTA) Университета Феррары в англоязычных публикациях этого университета становится Центром городских,

региональных и экологических исследований (курсив мой. – Д. П.). Однако в обоих случаях есть исключения. В случае английского языка Оксфордский словарь английского языка дает политико-юридическое определение («земля или страна, принадлежащая или находящаяся под властью правительства или государства»), этологическое определение из зоологии («область, выбранная животным или группой животных и защищаемая ими от других представителей того же вида») плюс такое: «участок земли или район с неопределенными границами; регион». Вот вам и само собой разумеющееся предположение о том, что территории должны иметь границы... Кроме того, в английском языке существует ряд знакомых переносных значений этого термина. С другой стороны, как мы видели из работы Мишеля Люссо, есть франкоговорящие сторонники точки зрения, согласно которой *territoire* может и должна определяться прежде всего в политических терминах (см. также [Allie's, 1980; Raffestin, 1980]).

Эти сложности и двусмысленности отражают неопределенную этимологию термина (а возможно, и возникают из-за нее). Согласно Оксфордскому словарю английского языка, слово происходит от французского *territoire*, которое, в свою очередь, восходит к латинскому *territorium*, означавшему землю вокруг города. Обычно считается, что *territorium* связано с *terra* (земля), но может происходить и от *terrere* (пугать, устрашать), которое также дало *territor* (тот, кто устрашает). *Territorium*, таким образом, означало «место, от которого отпугивают» [Roby, 1876, p. 363]. Согласно голландскому юристу XVII века Гроцию:

Происхождение слова «территория» от «устрашения врагов» (*terrendis hostibus*), по Флакку Сицилийскому, кажется не менее вероятным, нежели от «попрания» (*terendo*), по Варрону, или от «земли» (*terra*), по Фронтину, или от «права устрашения» (*terrendi iure*), которым обладают должностные лица, по юристу Помпонию [Гроций, 1994, с. 642].

Связь со страхом имеет особый современный резонанс. Секст Помпонию, которого цитирует Гроций, был римским юристом II века. Его определение «территории» воспроизведено в *Corpus Juris Civilis*, великой кодификации римского права, предпринятой для императора Юстиниана в VI веке:

«Территория» – это совокупность полей в пределах какой-либо гражданской общины; некоторые говорят, что это слово названо так оттого, что магистраты данного места в пределах его границ обладают правом изгнания⁴ (*terrendi*), то есть правом удалять кого-либо (отсюда) [Дигесты Юстиниана, 2005, с. 50.16.239.8].

Это выявляет юридическую и политическую (если не окончательную этимологическую) связь между «территорией» и страхом и исключением, которая восходит к одному из самых ранних известных определений этого термина [Connolly, 1995, р. xii]. Нынешняя «война с террором» побудила некоторых авторов возродить связь между территорией и террором/страхом [Anidjar, 2004, р. 54–60; Cairo, 2004; Hindess, 2006].

Хотя этимология может наводить на определенные размышления, она не заменяет концептуального разъяснения. Критика Люссо чрезмерного расширительного использования этого понятия перекликается с недавним призывом Боба Джессопа, Нила Бреннера и Мартина Джонса [Jessop, Brenner, Jones, 2008] к большей точности в использовании пространственной терминологии. Сократив путем критики свой список из восьми вариантов использования «территории», Жак Леви остановился на определении, которое включает в себя территорию как нечто «регулируемое и ограниченное» (*controlé-bordé*), но допускает и этологические употребления. Хотя возможно, что этологически определенные пространства удовлетворяют критерию «топографического» Леви и что зоологи будут продолжать называть их территориями, – я считаю, что включение их в географическое определение территории означает слишком большую уступку социобиологии.

В своем собственном определении территории Люссо отказывается от этологических коннотаций этого термина и недвусмысленно фокусируется на политическом структурировании пространства. Территория – это «пространство, структурированное на основе принципов смежности и непрерывности», которые «зависят не столько от материальных аспектов пространства, сколько от систем идей (*systemes idéels*), формирующих рассматриваемое пространство, а также

от связанных с ними практик, имеющих там место» [Lussault, 2007, р. 113]. Для Люссо именно *политическое приумножение ценности* пространственной непрерывности и внутренней связности некой ограниченной области определяет специфику территории по отношению к другим типам пространства [Lussault, 2007, р. 113–114].

По словам Люссо, задействованная здесь доминирующая идеология обращается к «незаменимому *континууму* “территориальной ткани” (*tissu territorial*)» [Lussault, 2007, р. 114]. Он утверждает, что «во Франции, в частности, это сопровождается отрицанием “разрыва” (*déchirure*) [ткани], потому что он предполагает “социальный разлом” (*fraction sociale*)» [Ibid., р. 114]. Это включает в себя:

мощное территориальное представительство, постоянно используемое политическими акторами для того, чтобы «скреплять» различные элементы их пространства действия, прочно связывать отдельные единицы – места, области – и тем самым способствовать созданию непрерывности, необходимой для существования законной территории [Lussault, 2007, р. 114].

«Политические акторы, – говорит Люссо, – территориальны. Они ищут и ценят пространственную непрерывность независимо от того, является ли их территория местной, региональной или общенациональной» [Ibid., р. 113–114].

Создание территории-как-эффекта: английский пример

Административные регионы как территории

В оставшейся части статьи я хочу посмотреть, как создаются эти эффекты смежности, непрерывности и ограниченности и как, по выражению Люссо, «приумножается» их ценность. Я постараюсь показать, что производство «территории-как-эффекта» можно понимать как результат (сетевых) социотехнических практик. Это, в свою очередь, бросает вызов широко распространенному предположению, что территориальное и сетевое понимание пространства несоизмеримы.

4. В цитируемом английском переводе «Дигестов» это место звучит как *right to inspire fear* – «право внушать страх». – Прим. пер.

Я буду развивать свою аргументацию на примере английских административных регионов. За исключением особого случая Лондона с его избираемым мэром и собранием, в Англии есть восемь регионов, каждый из которых находится в ведении своего Правительственного отделения по делам региона и Агентства регионального развития, деятельность которых контролируется назначенным Региональным собранием, состоящим из местных политиков, бизнесменов и представителей общественного и волонтерского секторов. Как и «территория», слово «регион» нагружено широким спектром спорных, а иногда и противоречивых значений. Не все регионы являются территориями, или наоборот. Однако наши восемь английских регионов действительно представляют собой территории (или формирующиеся территории) в смысле, который придает этому термину Люссо, то есть они представлены как ограниченные, непрерывные и внутренне связанные политические пространства.

Хотя региональные институты Англии выполняют множество функций и задействованы в целом ряде политических сфер, одной из их наиболее важных функций является содействие экономическому развитию. Нельзя сказать, что экономическая деятельность структурирована прежде всего с точки зрения территории в смысле Люссо, принимая во внимание, что Люссо в явном виде дистанцирует свое определение от чрезмерно расширительного понимания территории, типичного в политической экономии и экономической географии. Однако осуществление региональной административной власти в экономической сфере приводит к формированию территориального понимания экономической практики и экономических процессов. Одним из примеров такого понимания является идея «региональной экономики».

«Региональная экономика» постоянно упоминается в публичном дискурсе политическими деятелями, официальными лицами, экспертами, журналистами, обозревателями, организациями гражданского общества, бизнесменами и даже (время от времени) обычными людьми. Я предполагаю, что в случае английских регионов это один из наиболее значимых элементов «эффекта территории». Возможность мыслить о «региональной экономике» как о фокусе политики требует конституирования пространственно-политического объекта, имеющего ряд специфических характери-

стик, включая трио Люссо – ограниченность, непрерывность и внутреннюю связанность. Важно отметить, что мир экономической деятельности, производства, потребления, распределения и обмена товаров и услуг необязательно должен иметь эти характеристики и обычно их не имеет.

Пространство региональной экономики как объекта политики должно быть *ограниченным*, поскольку влияющие на него институты имеют ограниченную в пространстве юрисдикцию. Таким образом, One NorthEast, региональное агентство по развитию северо-востока Англии, не имеет полномочий вмешиваться в работу лондонского сектора финансовых услуг или мирового товарного рынка, даже если эти последние оказывают прямое влияние на экономическую активность на его «делянке». Это пространство также должно быть *непрерывным*, во-первых, потому, что региональная экономика как объект политики понимается как функциональное целое, части которого соединены материальными связями, которые сами являются частью этого целого, а во-вторых, потому, что движение (будь то товаров, людей, денег или информации) между этими частями предполагается также происходящим в пространстве целого.

Конечно, есть примеры несмежных территорий, включая анклавов, эксклавов и разделенные государства. Среди них Пакистан в период с 1947 по 1971 год, Западный Берлин до воссоединения Германии, Газа и контролируемые палестинцами районы Западного берега. Однако это исключения, подтверждающие правило, в том смысле, что все это примеры «ущербных» территорий, для которых необходимо было принимать особые меры. Случай с Западным берегом в особенности свидетельствует о почти полной невозможности организации какого-либо эффективного государственного управления на фрагментированной территории; скорее всего, это было бы так, даже если бы враждебные отношения между Израилем и Палестинской администрацией были улажены. Напротив, контролируемые Израилем районы на оккупированных территориях просто обречены быть смежными в результате строительства сложной дорожной сети, которая проходит над, под или через палестинские районы, не являясь их частью. Части территории, разделенные только судоходными водами, несмежны в каком-то менее важном смысле. Примеры включают Заморские департаменты и территории

Франции, испанские анклавы Сеута и Мелилья, Калининград и многочисленные острова. Хотя случаи, подобные этим, часто могут быть источником политических споров и могут создавать практические проблемы, они не являются *логически* (или, возможно, мы должны сказать: *топологически*) несмежными, пока сохраняется возможность доступа к ним.

Наконец, пространство региональной экономики как объекта политики должно быть *внутренне связным*. Предполагается, что вся экономическая деятельность, происходящая в таком пространстве, составляет часть региональной экономики, которая затем рассматривается как целостность. То есть считается, что взаимодействующие части составляют целое, которое для целей политики можно рассматривать как нечто единое, хотя и неоднородное и дифференцированное.

В случае английских регионов эффекты территориального разграничения, непрерывности и внутренней связности частично порождаются социально-техническим устройством «региональной экономики» как объекта политики. Как это происходит?

Территория как эффект технологии

Краткий ответ – «с трудом». Порождение территории таким способом подразумевает мобилизацию целого ряда правительственных технологий и того, что Эндрю Барри [Barry, 2001] назвал «политическими машинами». Барри утверждает, что

можно провести различие между *техническим устройством*, понимаемым как материальный или нематериальный артефакт, и *технологией* – понятием, которое относится не только к самому по себе устройству, но и к формам знания, навыкам, диаграммам, графикам, расчетам и энергии, которые делают возможным его использование [Ibid., p. 9].

С этой точки зрения освоение территории требует значительных затрат труда, опыта и других ресурсов. Кроме того, эта работа является непрерывной и повторяющейся. Ограниченность, непрерывность и внутренняя связность должны постоянно воспроизводиться, чтобы поддерживать эффект территории во времени. Возьмем простой пример: международный пограничный контроль эффективен только до тех пор, пока те, кто обеспечивает его соблюдение, являются на работу каждый день.

Территория не возникает сама собой; над ней нужно работать. Это не то же самое, что сказать «территория есть продукт социального конструирования»: «говорить, что технология может быть политической, не значит... утверждать, что технические устройства и артефакты являются «социальными конструктами» или «формируются обществом», ибо социальное не существует независимо от технологии» [Barry, 2001, p. 9].

Какого рода работа и технологии используются для порождения территории в случае английских регионов? В последние годы среди них можно назвать:

- многочисленные *региональные стратегии* (региональные экономические стратегии, региональные пространственные стратегии, комплексные региональные стратегии и многие другие);
- обзоры политики, такие как выпущенный в 2007 году британским правительством «Обзор субнационального экономического развития и восстановления» (Review of Sub-national Economic Development and Regeneration), известный как «субнациональный обзор» или «SNR»;
- *статистические показатели* экономической деятельности и ее результатов в региональном масштабе;
- сеть *региональных служб мониторинга*, таких как Северо-Восточное региональное информационное партнерство (North East Regional Information Partnership, NERIP);
- международные *сравнительные исследования*, такие как территориальные обзоры ОЭСР;
- картирование, такое как «карты достопримечательностей» Картографического управления;
- моделирование и прогнозирование, такие как Северо-Восточная региональная экономическая модель, разработанная Школой бизнеса Дарема;
- *постановка целей и аудит*, в том числе посредством соглашений о предоставлении государственных услуг (public service agreements, PSA).

Здесь нет места для подробного рассмотрения каждого из этих пунктов, поэтому я возьму в качестве примера постановку целей.

PSA были новшеством, введенным правительством «новых лейбористов» Тони Блэра в 1998 году, вскоре после его

Обзор расходов	Бюджетный период	Головное ведомство	Цель ведомства	Соответствующая задача ведомства	Соответствующий целевой показатель PSA
1998 CSR 2000 CSR	1999–2002 2001–2004	Н/д Департамент окружающей среды, транспорта и регионов	Н/д Улучшить качество жизни каждого, сейчас и на будущее, посредством: развития благополучных богатых регионов и сообществ; улучшения транспорта; улучшения жилья; улучшения окружающей среды; создания более безопасного и здорового окружения; и разумного использования природных ресурсов.	Н/д Задача VIII: совершенствовать устойчивое экономическое развитие и социальную сплоченность по всей Англии посредством эффективных региональных действий и комплексных программ местного становления.	Отсутствует 17. Улучшить экономические показатели всех регионов, измеряемые тенденцией роста ВВП на душу населения в каждом регионе. Совместная цель с Департаментом торговли и промышленности.
SR 2002	2003–2006	Канцелярия заместителя премьер-министра	Процветающие, инклюзивные и устойчивые сообщества во всех регионах.	Задача I: работать с полным спектром государственных ведомств и политик для повышения уровня социальной инклюзии, обновления районов и регионального процветания.	Задача 2 PSA. Обеспечить устойчивое улучшение экономических показателей во всех регионах Англии и в долгосрочной перспективе сократить сохраняющийся разрыв в темпах роста между регионами, определив меры по улучшению этих показателей и предоставив отчет о прогрессе в выполнении этих мер к 2006 году. (Совместная цель с Казначейством и Департаментом торговли и промышленности.)
SR 2004	2005–2008	Канцелярия заместителя премьер-министра	Создание устойчивых сообществ.	Задача II: Содействие развитию английских регионов путем улучшения их экономических показателей, с тем чтобы все они могли полностью раскрыть свой потенциал, и разработки эффективной основы регионального управления с учетом мнения общественности о том, что лучше для соответствующего региона.	Задача 2 PSA. Обеспечить устойчивое улучшение экономических показателей всех регионов Англии к 2008 г. и в долгосрочной перспективе сократить сохраняющийся разрыв в темпах роста между регионами, продемонстрировав прогресс к 2006 г., совместно с Министерством торговли и промышленности и Казначейством, в том числе путем создания выборных региональных ассамблей в регионах, которые на референдуме проголосуют за их создание.

Таблица 1: Эволюция целевых показателей соглашений о государственных услугах (PSA), связанных с региональным экономическим развитием, 1998–2004

Источник: Обзоры расходов Казначейства, 1998–2004.

прихода к власти [Financial Times, 1998]. Они были придуманы Гордоном Брауном, в то время канцлером Казначейства (министром финансов), и стали краеугольным камнем попыток правительства реформировать государственный сектор. PSA представляют собой официальные соглашения между Казначейством (министерством финансов) и министерствами, расходующими средства, включая те, которые отвечают за здравоохранение, транспорт, образование, работу и пенсии, а также за оборону. В соглашениях указывается

уровень услуг, инвестиций или деятельности, ожидаемый в каждой сфере государственной службы, и целевые показатели, которых должны достичь министерства и связанные с ними государственные органы. В политическом плане PSA – типичный инструмент новых лейбористов. Это была своего рода сделка, в рамках которой правительство согласилось предоставить значительные новые инвестиции в государственные услуги в обмен на гарантии повышения эффективности. В этом качестве соглашения отражали

нервозность новой администрации Блэра по поводу того, что в посттэтчеровском мире электорат без энтузиазма отнесется к увеличению государственных расходов и захочет убедиться, что деньги пойдут на ощутимые улучшения в предоставлении государственных услуг. Тем самым они вполне вписываются в более широкий неолиберальный дискурс, который представляет государство в лучшем случае как необходимое зло, за которым нужно постоянно следить, чтобы не допустить его чрезмерного раздувания и превращения в паразита.

С 1998 года PSA регулярно пересматривались в рамках всесторонних обзоров расходов (comprehensive spending reviews, CSR), объявлявших новые трехлетние расходные циклы. В табл. 1 показано для региональных экономических показателей, как менялись цели и задачи соответствующих ведомств по итогам последовательных обзоров расходов, а также как формулировался сам целевой показатель PSA.

В самой последней версии (2007) произошло два заметных изменения. Во-первых, целевые показатели PSA теперь являются межведомственными. Это новшество означает признание, что многие проблемы, решением которых занимается государственная политика, плохо вписываются в компетенцию отдельных правительственных ведомств. Улучшение региональных экономических показателей затрагивает работу департаментов бизнеса, транспорта, труда, университетов и инноваций, а также департамента местного самоуправления, который является «домашним» департаментом по региональным делам. Во-вторых, сократилось количество и сложность целей PSA. Новая цель, связанная с региональными экономическими показателями, сформулирована намного проще, чем в предыдущих версиях. Она гласит:

PSA 7: Улучшить экономические показатели всех регионов Англии и сократить разрыв в темпах экономического роста между регионами.

Каждому целевому показателю PSA сопоставлены определенные индикаторы, позволяющие оценить, достигнуто ли целевое значение.

Для цели 7 это:

1. Региональные темпы роста валовой добавленной стоимости (ВДС) на душу населения.
2. Региональный валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, проиндексированный по среднему показателю ЕС-15.
3. Региональная производительность, измеряемая показателями ВДС за час работы.
4. Региональные показатели занятости.

Остановимся немного подробнее на первом из них. ВДС является мерой экономического производства. Она определяется как добавленная в процессе производства стоимость, которая эквивалентна стоимости всего выпуска продукции за вычетом стоимости сырья, потребленного в процессе производства («промежуточное потребление»).

Хотя правительственные экономисты и бухгалтеры рассматривают ВДС как нейтральную техническую меру бухгалтерского учета, она имеет сложную и спорную историю и географию. Совсем недавно она быстро распространилась в британском государственном секторе. Например, в интернете из 163 000 результатов по запросу «валовая добавленная стоимость» 43 600 были из домена gov.uk (британское правительство), и только 1860 – из домена .gov (правительство США). Это напрямую обусловлено введением описанного выше целевого показателя PSA, что влечет за собой и тот факт, что 47 из 100 первых результатов поиска являются веб-сайтами местных или региональных государственных учреждений Великобритании. Во многих из этих документов ВДС называется важным показателем экономической деятельности, но не объясняется, что он стал важным вследствие установления целевых показателей центральным правительством. Таким образом, роль государства оказывается замаскированной, а пространство для обсуждения альтернативных показателей (скажем, связанных с экологической устойчивостью или здоровьем и благополучием) сокращается.

Бурно растущая литература⁵ по критическим бухгалтерским исследованиям предлагает альтернативный взгляд на ВДС и связанные с ней понятия. Стюарт Берчелл, Колин Клабб и Энтони Хопвуд [Burchell, Clubb, Hopwood, 1985] исследовали возникновение понятия добавленной

5. См., например, журналы *Accounting, Organizations and Society*, *Critical Perspectives on Accounting* и работы Питера Миллера и Энтони Хопвуда.

стоимости в Великобритании в 1970-е годы. Они отмечают, что добавленная стоимость стала важной политической концепцией во времена широких промышленных волнений, высокой инфляции и политики ограничения доходов. Лейбористские правительства того времени не поддерживали свержение капитализма, но они также признавали, что использование языка прибыли и прибыльности при обсуждении экономических вопросов рискует разжечь в рабочем движении недовольство политикой правительства и оттолкнуть основной электорат Лейбористской партии. В этом контексте дискурс добавленной стоимости подразумевал, что промышленное производство является совместным национальным усилием. Вместо потенциально опасного акцента на частной прибыли плоды экономической деятельности (добавленная стоимость) можно представить как распределяемые между капиталом (в форме прибыли) и трудом (в форме заработной платы). По предположению Берчелла и коллег, это означает, что добавленную стоимость в таком случае можно рассматривать как консервативное понятие. В то же время оно может найти отклик и у левых политических сил, так как подчеркивает легитимность доли рабочего в продукции. Кроме того, оно, возможно, перекликается с марксистской трудовой теорией стоимости.

В 1998 году Великобритания приняла новый набор стандартов для составления национальных счетов. Они соответствовали европейским стандартам бухгалтерского учета 1995 года (ESA95), которые, в свою очередь, основывались на новых соглашениях о международных стандартах национального бухгалтерского учета 1993 года⁶. В связи с введением новых стандартов британское правительство опубликовало справочное издание в шести томах формата А4, один из томов которого объемом 646 страниц был озаглавлен «Понятия, источники и методы национальных счетов». «Понятия, источники и методы...» содержат подробное описание того, как составляются национальные счета, что само по себе является яркой иллюстрацией огромного труда, затрачиваемого на расчеты и мониторинг национальной экономической деятельности и насквозь искусственного, даже фиктивного характера национальных счетов.

«Понятия, источники и методы» идентифицирует счет производства (определяе-

мый как «Счет I» в ESZ95) как основу любого набора национальных счетов, «поскольку в нем регистрируется деятельность по производству товаров и услуг» [Office for National Statistics, 1998, p. 59]. В счете производства учитывается общая стоимость произведенных товаров и услуг (выпуск) и общая стоимость сырья, израсходованного в процессе производства (промежуточное потребление). Разница между ними, которая является балансирующей статьей счета производства, и есть ВДС. Таким образом, интересной особенностью ВДС является то, что она не может быть измерена напрямую, а только выводится в качестве балансирующей статьи (ВДС = производство за вычетом промежуточного потребления). Можно также рассчитать чистую добавленную стоимость путем вычета резерва на амортизацию капитала.

Согласно «Понятиям, источникам и методам», «валовая добавленная стоимость является мерой вклада в ВВП отдельного производителя, отрасли или сектора, из которого выплачиваются первичные доходы; поэтому она переходит и в счета распределения доходов» [Ibid., p. 5]. Среди прочего счета распределения доходов показывают, как ВДС

распределяется по институциональным единицам, претендующим на добавленную стоимость, созданную производством. Это показывает доход от занятости (заработная плата, взносы работодателей в пенсионные планы), операционную прибыль и смешанный доход (в основном доход от samozанятости) [Ibid., p. 5].

Здесь примечательно использование слова «претендующим», хотя стандарты государственного бухгалтерского учета, разумеется, не обсуждают властные отношения, лежащие в основе тех или иных притязаний, или политические процессы, посредством которых эти притязания реализуются.

Счета распределения позволяют установить альтернативные способы расчета ВДС. Поскольку вся ВДС распределяется, общая сумма ВДС может быть рассчитана путем суммирования вознаграждения работникам (заработная плата, пенсионные взносы работодателя), прибыли и доходов от samozанятости. Точно так же, поскольку заработная плата и прибыль либо расхо-

6. Стремление к стандартизации, связанное с этими тенденциями, можно обсуждать очень долго.

дуются на конечное потребление, либо сберегаются, ВДС в любой данный период также должна быть равна сумме расходов и сбережений. Таким образом, все три следующие цифры в количественном отношении равны ВДС:

- производство минус промежуточное потребление;
- заработная плата плюс прибыль;
- расходы плюс сбережения.

В принципе, эти арифметические равенства позволяют рассчитывать ВДС не только для экономики страны в целом, но и для таких ее составных элементов, как отдельные организации, отрасли и регионы. Например, для некоммерческой организации, такой как университет или государственная больница, ВДС равна заработной плате (плюс операционная прибыль, если таковая имеется). Таким образом, понятие ВДС слепо по отношению к тому, создана ли стоимость частным, государственным или волонтерским сектором, и можно считать, что оно идет вразрез с нелиберальными утверждениями о том, что единственной производительной частью экономики является частный сектор.

Каждый способ расчета должен давать одни и те же количественные результаты, но в каждом случае наличие ВДС выводится из других переменных. Специфическая особенность самой природы товара заключается в том, что невозможно посмотреть на готовый продукт, такой как автомобиль или стол, и непосредственно определить, какая часть его стоимости кем была произведена. Как выразился Маркс в «Капитале», «если потребительные стоимости сюртук и холст представляют собой лишь соединения целесообразной производительной деятельности с сукном и пряжей, то в качестве стоимостей сюртук и холст суть *не более как однородные сгустки труда*» [Маркс, 1960, с. 53–54 (курсив добавлен)]. Сама ВДС ненаблюдаема, виртуальна: она присутствует как своего рода призрак, и это ощущение усиливается, когда мы исследуем, как она рассчитывается на практике в региональном масштабе.

Британское правительство не ведет полный набор государственных счетов на региональном уровне [Office for National Statistics, 1998, p. 13] и «Понятия, источники и методы...» не уточняют, как должна рассчитываться региональная ВДС. Вместо этого Управление нацио-

нальной статистики опубликовало отдельное руководство по методологии составления региональных счетов и расчета региональной ВДС [Office for National Statistics, undated]. Региональная ВДС рассчитывается через доходы (ВДС = заработная плата плюс прибыль). Более того, для «расчета региональных показателей используется подход по принципу “сверху вниз”, в соответствии с которым национальный совокупный показатель распределяется по регионам с использованием наиболее подходящего доступного показателя региональной деятельности, или регионального индикатора» [Office for National Statistics, undated, p. 5]. Ежегодный расчет региональной ВДС является юридическим требованием Европейского союза и используется при принятии решений ЕС о финансировании. Региональная ВДС должна быть разбита по отраслям (отраслевым группам) и дезагрегирована на субрегиональные уровни (NUTS2 и NUTS3).

Выбор метода расчета, основанного на доходах, а не на производстве, был прагматическим и определялся доступными источниками данных. Подход «сверху вниз» предполагает присвоение каждому региону доли различных компонентов дохода в национальной ВДС на основе информации из различных источников данных. Некоторые из них основаны на опросах, таких как Ежегодное обследование бизнеса, Ежегодное обследование рабочего времени и доходов и Обследование рабочей силы. Другие представляют собой так называемые «административные источники данных», такие как информация, собранная в процессе обработки налоговых платежей и платежей по национальному страхованию. Хотя это прямо не указано в опубликованной методологии, частичное использование данных выборочных обследований означает, что цифры региональной ВДС следует рассматривать как оценочные и подверженные ошибкам выборки. На уровне NUTS1 (региональном) ВДС рассчитывается как по месту жительства, так и по месту работы. Там, где важным фактором является чистое количество межрегиональных перемещений на работу и обратно [в основном на юго-востоке Англии], эти два метода могут давать значительно различающиеся цифры. Показатель на основе рабочего места отражает фактическое местонахождение производства и требуется в соответствии с европейским стандартом бухгалтерского учета ESA95.

Прибыль (примерно 20% от общей суммы) создает практические проблемы. Хотя подробностей не приводится, в «Руководстве по методологии региональных счетов» говорится, что прибыль корпораций распределяется частично пропорционально доходам сотрудников. На первый взгляд кажется, что это предполагает, что соотношение между заработной платой и прибылью является постоянным между регионами. Есть тут и концептуальные проблемы. В каком смысле прибыль может быть получена в том или ином регионе? В терминах, используемых в «Понятиях, источниках и методах...», прибыли представляют собой «притязания» на ВДС со стороны собственников или акционеров. Это могут быть лица, проживающие и/или привлекающие капитал за пределами региона, или это могут быть национальные или международные учреждения, не имеющие региональной «прописки» (home). Например, банк Northern Rock считался одним из столпов экономики северо-востока Англии. Его штаб-квартира находится в Ньюкасле, но его акции торгуются на Лондонской фондовой бирже и могут быть куплены каждым, кто хочет инвестировать капитал, номинированный в фунтах стерлингов. Когда Northern Rock приносил прибыль, то в каком смысле его прибыль «относилась» к северо-восточному региону? Действительно ли его нынешние убытки являются убытками северо-востока? Такого рода вопросы относятся к самой сути проблемы территории. Они проблематизируют саму идею региональной экономики как ограниченного пространства и подчеркивают ее фиктивный характер.

Среди комментариев о полезности GVA были и некоторые важные критические замечания. Например, согласно отчету Института исследований государственной политики,

ВДС имеет ограничения в том отношении, что она включает только товары и услуги, продаваемые в рыночном секторе экономики, или товары, не продаваемые на рынке, стоимость которых условно исчисляется Управлением национальной статистики (ONS) для сбора статистики (например, многие государственные услуги, такие как здравоохранение и государственное образование). Она упускает из виду домашнее производство и не учитывает многие вещи, которые люди ценят в жизни, – окружающую среду, сплочен-

ность сообщества, отношения с друзьями и семьей, искусство и культуру и так далее. Поэтому это крайне несовершенная мера «благополучия» Севера [Johnson, Mrinska, Reed, 2007, p. 9–10].

Далее авторы заявляют, что «тем не менее ВДС легко поддается измерению в соответствии с международным стандартом» [ibid., p. 10], что сомнительно, учитывая трудоемкий характер соответствующего процесса, о чем говорилось выше, и потенциально неопределенную точность полученных оценок.

Чрезмерная опора на ВДС как ключевой показатель экономической эффективности была поставлена под сомнение и парламентским комитетом в 2003 году:

Мы также получили свидетельства того, что текущий индикатор, предложенный для измерения успехов в достижении этой цели, валовая добавленная стоимость на душу населения, непригоден для указанных целей, и рекомендуем вместо этого использовать комплекс показателей, включая производительность, уровень занятости и безработицы, доход домохозяйства и качество жизни [House of Commons ODPM Select Committee, 2003, p. 3].

Как мы видели выше, некоторые из этих дополнительных показателей были включены в последнее PSA, хотя и не те, которые относятся к доходам домохозяйств и качеству жизни.

Несмотря на эту критику, ВДС остается основным показателем развития региональной экономики. Он, однако, является лишь одним из десятков государственных технологий, которые вместе определяют и вызывают к жизни политический объект, «региональную экономику», которая, в свою очередь, способствует порождению региона-как-территории. Благодаря действию этих технологий генерируются эффекты ограниченности, непрерывности и внутренней связности, которые позволяют понимать регионы как территории, например, путем иного распределения кочующих потоков энергии (в том числе рабочей силы), материи, денег и информации к той или иной географической области. Тем самым эти потоки в некотором смысле подвергаются территориальному кодированию. Однако это утверждение сразу же требует трех оговорок.

Во-первых, потоки кодируются не *территорией*, а *для территории*. Территория –

результат такого кодирования: она сама по себе не действует как актор, политический субъект или правительственная технология. Согласно Эндрю Барри [Barry, 2001, р. 3], «правительство действует не только в отношении пространств, определенных и разграниченных географическими или территориальными границами, но и в отношении зон, образованных посредством циркуляции технических практик и устройств». Но я хочу пойти дальше и предположить, что сами географические и территориальные границы тоже формируются «техническими практиками и приемами» – границы (размежевания) не находятся вне технологии и не предшествуют ей. Во-вторых, территориальное кодирование потоков, будь то ретроспективное в случае технологий учета и аудита или перспективное в случае технологий прогнозирования и моделирования, не равнозначно захвату, предполагающему материальное связывание того, что находится в потоке, в конкретные комбинации. В-третьих, ни кодирование, ни захват не являются чем-то постоянным. Накопление может быть определяющей чертой капитализма, но ВДС, например, не накапливается бесконечно «на» определенной территории. Продукция экспортируется или потребляется, заработная плата (в основном) тратится, а прибыль выводится за границу, потребляется или инвестируется, часто в другом месте. Безусловно, закономерности неравномерного экономического развития могут сохраняться в течение длительных периодов, но они больше похожи на скачки и провалы атмосферного давления на метеорологической карте, образуемые постоянным движением, чем на более статичные контуры на топографической карте суши.

Заключение

Изложенная точка зрения предполагает, что эффект территории является продуктом сетевых социотехнических процессов в двух смыслах. Во-первых, правительственные технологии, производящие эффект территории, суть продукты пространственно протяженных сетей, образуемых людьми и неодушевленными акторами. В моем примере с ВДС расчет региональной ВДС требует взаимодействия множества разнородных людей и вещей. К ним относится согласованная на международном уровне Система национальных счетов 1993 года (SNA93), которая сама является продуктом сотрудничества между Органи-

зацией Объединенных Наций, Европейской комиссией, Международным валютным фондом, Организацией экономического сотрудничества и развития и Всемирным банком. SNA93 обеспечивает основу для европейского стандарта бухгалтерского учета ESA95, который, в свою очередь, послужил ориентиром при создании новых национальных счетов Великобритании. Мобилизация этих систем отчетности для получения показателей региональной ВДС требует сопоставления данных из разнородных источников, включая опросы, налоговые декларации и документацию о занятости. Это подразумевает приобретение, техническое обслуживание и использование компьютерного оборудования и программного обеспечения для хранения и обработки данных. При этом используются модели, карты и данные о местоположении в виде почтовых индексов. Все это требует сотен часов работы бухгалтеров, эконометриков, ИТ-специалистов, статистиков, клерков и авторов-составителей, каждого из которых необходимо обучить, нанять и руководить им. Преобразование этих расчетов в информацию, которую могут получить и использовать неспециалисты, требует привлечения веб-дизайнеров, издателей, исследователей и журналистов. Использование этой информации для вынесения суждений о том, были ли достигнуты цели, требует работы государственных служащих и политиков. И вся эта деятельность зависит от наличия материальной инфраструктуры передачи данных, маршрутов, файловых систем, дисков, систем кондиционирования, стабильного электроснабжения и так далее и тому подобное. Большинство подобных разнородных сетей простираются географически далеко за пределы какой-либо отдельной региональной или даже национальной территории.

Во-вторых, материя, энергия, информация и деньги, которые такие технологии, как региональная ВДС, приписывают той или иной региональной территории, сами являются продуктом социотехнических сетей и мобилизуются ими. В последние годы стало модным связывать региональный экономический рост с эндогенными факторами, такими как территориально специфичные запасы материальных и особенно нематериальных активов. Но большинство активов сами по себе представляют собой гетерогенные сетевые явления, и при внимательном рассмотрении трудно сказать, какие из них являются эндогенны-

ми, а какие нет. Возьмем навыки и знания работников, одну из основных категорий нематериальных активов. Профессиональные навыки и знания обычно зависят от обширных национальных и международных сетей образования, обучения, оценки, профессионального развития, регулирования и обмена. Даже ремесленные навыки, которые часто считаются более локальными, также все более становятся транстерриториальными. Сегодня, в конце концов, даже виноделие – это, по-видимому, самое «приземленное» из всех ремесел – является предметом обширной межрегиональной и международной передачи знаний, информации, технологий и капитала.

Таким образом, эффект территории порождается сетевыми отношениями и зависит от них. Этот вывод противоречит распространенному в географии представлению, что «территория» и «сеть» – это две несоизмеримые формы пространственной организации. Например, Мануэль Кастельс, описывая контраст между пространством мест и пространством потоков, говорит о «шизофреническом структурном раздвоении между двумя пространственными логиками» [Кастельс, 2000, с. 398]. И Жак Леви, и Мишель Люско проводят столь же резкое различие между топографической метрикой, связанной с территорией, и топологической метрикой, связанной с ризомами и сетями [Lévy, 2003a, p. 608; Lussault, 2007, p. 131].

В книге «Территории риска» Валери Новембер ставит вопрос о том, «могут ли понятия сети и территории сочленяться или они соответствуют двум различным объяснительным порядкам» [November, 2002, p. 273]⁷. Свидетельства пространственных эффектов, производимых правительственными технологиями, такими как ВДС, позволяют предположить, что сеть и территория могут сочленяться (на самом деле они всегда сочленены). Но их отношения не симметричны. Территория – это не вечный прочный географический фундамент государственной власти, как иногда кажется, а пористый, временный, трудоемкий и в конечном счете преходящий и нематериальный продукт сетевых социотехнических практик. Возвращаясь к предложению Тимоти Митчелла рассматривать государство «не как реальную структуру, а как мощный метафизический эффект практик, создаю-

щих видимость существования подобных структур» [Mitchell, 1991, p. 94], кажется уместным заключить, что территорию следует рассматривать не как реальное государственное пространство, а как мощный метафизический эффект практик, создающих видимость существования подобных пространств.

Источники

- Вебер М. (2016) *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Гроций Г. (1994) *О праве войны и мира*. Москва: Ладомир.
- Дигесты Юстиниана (2005) Т. VII. Полутом 2. Москва: Статут.
- Кастельс М. (2000) *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Манн М. (2004) *Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты*// Масловский М. В. *Социология политики: классические и современные теории*. Москва: Новый учебник. С. 109–119.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1960) *Сочинения*. 2-е изд. Т. 23. Москва: Издательство политической литературы.
- Agnew J. (1994) *The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations Theory*// *Review of International Political Economy*. Vol. 1. P. 53–80.
- Alliès P. (1980) *L'invention du Territoire*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble.
- Anderson J (1996) *The Shifting Stage of Politics: New Medieval and Postmodern Territorialities?*// *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 14. P. 133–153.
- Anidjar G. (2004) *Terror Right*// *CR: The New Centennial Review*. Vol. 4. P. 35–69.
- Barry A. (2001) *Political Machines: Governing a Technological Society*. London: Athlone.
- Bingham N., Thrift N. (1999) *Some New Instructions for Travellers: The Geography of Bruno Latour and Michel Serres*// *Thinking Space*. London: Routledge. P. 281–301.
- Brenner N. (2004) *New State Spaces*. Oxford: Oxford University Press.
- Brenner N., Jessop B., Jones M., MacLeod G. (eds) (2003) *State/Space*. Oxford: Blackwell.
- Burchell S., Clubb C., Hopwood A.G. (1985) *Accounting in its Social Context: Towards a History of Value Added in the United Kingdom*// *Accounting, Organizations and Society*. Vol. 10. P. 381–413.
- Cairo H. (2004) *The Field of Mars: Heterotopias of Territory and War*// *Political Geography*. Vol. 23. P. 1009–1036.
- Camilleri J., Falk J. (1992) *The End of Sovereignty?* Aldershot: Edward Elgar.
- Campbell D. (1992) *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of*

7. «Si les notions de réseau et de territoire peuvent s'articuler entre elles ou si elles correspondent à deux ordres explicatifs différents».

- Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Connolly W. (1995) *The Ethos of Pluralization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Cowen D., Gilbert E. (2008) *The Politics of War, Citizenship, Territory//War, Citizenship, Territory*. London: Routledge. P. 1-30.
- Cox K. (2002) *Political Geography*. Oxford: Blackwell.
- Debarbieux B. (1999) *Le Territoire: Histoires en Deux Langues. A Bilingual (His-)story of Territory//Discours scientifique et contextes culturels. Géographies françaises à l'épreuve post-moderne*. Bourdeaux: Maison de Sciences de l'Homme d'Aquitaine. P. 33-46.
- Debarbieux B. (2003) *Le Territoire en Géographie et en Géographie Grenobloise//Le territoire en sciences sociales: approches disciplinaires et pratiques de laboratoires*. Grenoble: Maison de Sciences de l'Homme-Alpes. P. 35-51.
- Delaney D. (2005) *Territory*. Oxford: Blackwell.
- Elden S. (2005a) *Missing the Point: Globalization, Deterritorialization and the Space of the World//Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 30. P. 8-19.
- Elden S. (2005b) *Territorial Integrity and the War on Terror//Environment and Planning A*. Vol. 37. P. 2083-2104.
- Elden S. (2008) *Why is the World Divided Territorially?//Global Politics: A New Introduction*. London: Routledge. P. 192-219.
- Financial Times (1998) *Treasury Herald's Revolution in Public Services*. 18 December.
- Giddens A. (1985) *The Nation-State and Violence*. Cambridge: Polity.
- Häkli J. (2001) *In the Territory of Knowledge: State-Centred Discourses and the Construction of Society*. *Progress in Human Geography*. Vol. 25. P. 403-422.
- Hindess B. (2006) *Terrortory//Alternatives*. Vol. 31. P. 243-257.
- House of Commons ODPM Select Committee (2003) *Reducing Regional Disparities in Prosperity*. London: HMSO.
- Jessop B., Brenner N., Jones M. (2008) *Theorizing Sociospatial Relations//Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 26. P. 389-401.
- Johnson M., Mrinska O., Reed H. (2007) *The North in Numbers*. Newcastle upon Tyne: IPPR North.
- Jones M.R., MacLeod G. (1999) *Towards a Regional Renaissance? Reconfiguring and Rescaling England's Economic Governance//Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 24. P. 295-313.
- Lévy J. (2003a) *Métrieque//Dictionnaire de la Géographie et de L'espace des Sociétés*. Paris: Belin. P. 607-609.
- Lévy J. (2003b) *Territoire//Dictionnaire de la Géographie et de L'espace des Sociétés*. Paris: Belin. P. 907-910.
- Lussault M. (2007) *L'homme Spatial: La construction Sociale de L'espace Humain*. Paris: Seuil.
- Martin R. (1999) *The New "Geographical Turn" in Economics: Some Critical Reflections//Cambridge Journal of Economics*. Vol. 23. P. 65-91.
- Massey D. (2004) *Geographies of Responsibility//Geografiska Annaler*. Vol. 86B. P. 5-18.
- Mitchell T. (1991) *The Limits of the State: Beyond Statist Approaches and Their Critics//American Political Science Review*. Vol. 85. P. 77-96.
- Newman D. (Ed) (1999a) *Boundaries, Territory and Postmodernity*. London: Frank Cass.
- Newman D. (1999b) *Geopolitics Renaissance: Territory, Sovereignty and the World Political Map//Boundaries, Territory and Postmodernity*. London: Frank Cass. P. 1-16.
- November V. (2002) *Les Territoires du Risque: Le Risque comme Objet de Réflexion Géographie*. Berne: Peter Lang.
- Office for National Statistics (1998) *United Kingdom National Accounts*. London: The Stationery Office.
- Office for National Statistics (undated) *Regional Accounts Methodology Guide*. London: Office for National Statistics.
- Ohmae K. (1990) *The Borderless World*. London: Harper Collins.
- Paasi A. (1999) *Boundaries as Social Processes: Territoriality in a World of Flows*. *Boundaries, Territory and Postmodernity*. London: Frank Cass. P. 69-88.
- Paasi A. (2003) *Territory//Companion to Political Geography*. Oxford: Blackwell. P. 109-122.
- Painter J. (2005) *State: Society//Spaces of Geographical Thought*. London: Sage. P. 42-60.
- Raffestin C. (1980) *Pour une Géographie du Pouvoir*. Paris: Litec.
- Robey H.J. (1876) *A Grammar of the Latin Language from Plautus to Suetonius (Part 1)*. London: MacMillan.
- Sack R.D. (1986) *Human Territoriality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Storey D. (2001) *Territory*. Harlow: Prentice Hall.
- Swyngedouw E. (2004) *Globalisation or "Glocalisation"? Networks, Territories and Rescaling//Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 17. P. 25-48.
- The Guardian (2004) *Blunkett Calls for Spread of Gated Communities*. 22 January.
- The Independent (2002) *Giscard Predicts "End of EU" if Turkey Joins*. 9 November.

RETHINKING TERRITORY

Joe Painter, Professor, Department of Geography, Durham University; Lower Mountjoy South Road, Durham, DH1 3LE, UK.

E-mail: j.m.painter@dur.ac.uk

Abstract. Territory is the quintessential state space and appears to be of growing political importance. It is also a key concept in geography, but it has not been subject to as much critical attention as related geographical terms and remains under-theorised. Taking my cue from Timothy Mitchell's suggestion that the state should be understood as the effect of social practices, I argue that the phenomenon that we call territory is not an irreducible foundation of state power, let alone the expression of a biological imperative. Instead, territory too must be interpreted principally as an effect. This "territory-effect" can best be understood as the outcome of networked socio-technical practices. Thus, far from refuting or falsifying network theories of spatiality, the current resurgence of territory can be seen as itself a product of relational networks. Drawing on an empirical case study of the monitoring of regional economic performance through the measurement of gross value added (GVA), I show that "territory" and "network" are not, as is often assumed, incommensurable and rival principles of spatial organisation, but are intimately connected.

Keywords: state spatiality; territory; territory-effect; network; region; value added

Citation: Painter J. (2022) Rethinking Territory. *Urban Studies and Practices*, vol. 7, no 2, pp. 13-34. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp72202213-34>

References

- Agnew J. (1994) The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations Theory. *Review of International Political Economy*, vol. 1, pp. 53-80.
- Alliès P. (1980) L'invention du Territoire. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble.
- Anderson J (1996) The Shifting Stage of Politics: New Medieval and Postmodern Territorialities? *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 14, pp. 133-153.
- Anidjar G. (2004) Terror Right. *CR: The New Centennial Review*, vol. 4, pp. 35-69.
- Barry A. (2001) *Political Machines: Governing a Technological Society*. London: Athlone.
- Bingham N., Thrift N. (1999) Some New Instructions for Travellers: The Geography of Bruno Latour and Michel Serres. *Thinking Space*. London: Routledge, pp. 281-301.
- Brenner N. (2004) *New State Spaces*. Oxford: Oxford University Press.
- Brenner N., Jessop B., Jones M., MacLeod G. (eds) (2003) *State/Space*. Oxford: Blackwell.
- Burchell S., Clubb C., Hopwood A.G. (1985) Accounting in its Social Context: Towards a History of Value Added in the United Kingdom. *Accounting, Organizations and Society*, vol. 10, pp. 381-413.
- Cairo H. (2004) The Field of Mars: Heterotopias of Territory and War. *Political Geography*, vol. 23, pp. 1009-1036.
- Camilleri J., Falk J. (1992) *The End of Sovereignty?* Aldershot: Edward Elgar.
- Campbell D. (1992) *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Connolly W. (1995) *The Ethos of Pluralization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Cowen D., Gilbert E. (2008) The Politics of War, Citizenship, Territory. *War, Citizenship, Territory*. London: Routledge, pp. 1-30.
- Cox K. (2002) *Political Geography*. Oxford: Blackwell.
- Debarbieux B. (1999) Le Territoire: Histoires en Deux Langues. A Bilingual (His-)story of Territory. *Discours scientifique et contextes culturels. Géographies françaises à l'épreuve post-moderne*. Bourdeaux: Maison de Sciences de l'Homme d'Aquitaine, pp. 33-46.
- Debarbieux B. (2003) Le Territoire en Géographie et en Géographie Grenobloise. *Le territoire en sciences sociales: approches disciplinaires et pratiques de laboratoires*. Grenoble: Maison de Sciences de l'Homme-Alpes, pp. 35-51.
- Delaney D. (2005) *Territory*. Oxford: Blackwell.
- Digest (2005) *Digesty Justiniana*. Tom VII. Polutom 2 [Justinian Digest. Vol. VII. Book 2]. Moskva: Statut. (in Russian)
- Elden S. (2005a) Missing the Point: Globalization, Deterritorialization and the Space of the World. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 30, pp. 8-19.
- Elden S. (2005b) Territorial Integrity and the War on Terror. *Environment and Planning A*, vol. 37, pp. 2083-2104.
- Elden S. (2008) Why is the World Divided Territorially? *Global Politics: A New Introduction*. London: Routledge, pp. 192-219.
- Financial Times (1998) Treasury Heralds Revolution in Public Services. 18 December.
- Giddens A. (1985) *The Nation-State and Violence*. Cambridge: Polity.
- Grocij G. (1994) O prave vojny i mira [The Law of War and Peace]. Moskva: Ladomir. (in Russian)
- Häkli J. (2001) In the Territory of Knowledge: State-Centred Discourses and the Construction of Society. *Progress in Human Geography*, vol. 25, pp. 403-422.
- Hindess B. (2006) Terrortory. *Alternatives*, vol. 31, pp. 243-257.
- House of Commons ODPM Select Committee (2003) *Reducing Regional Disparities in Prosperity*. London: HMSO.
- Jessop B., Brenner N., Jones M. (2008) Theorizing Sociospatial Relations. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 26, pp. 389-401.
- Johnson M., Mrinska O., Reed H. (2007) The North in Numbers. Newcastle upon Tyne: IPPR North.
- Jones M.R., MacLeod G. (1999) Towards a Regional Renaissance? Reconfiguring and Rescaling England's Economic Governance. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 24, pp. 295-313.
- Kastel's M. (2000) Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki [Moscow: HSE University Publishing House]. (in Russian)
- Lévy J. (2003a) Métrique. *Dictionnaire de la Géographie et de L'espace des Sociétés*. Paris: Belin, pp. 607-609.
- Lévy J. (2003b) Territoire. *Dictionnaire de la Géographie et de L'espace des Sociétés*. Paris: Belin, pp. 907-910.
- Lussault M. (2007) L'homme Spatial: La construction Sociale de L'espace Humain. Paris: Seuil.
- Mann M. (2004) Avtonomnaja vlast' gosudarstva: istoki, mehanizmy i rezul'taty [The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results]. Maslovskij M.V. *Sociologija politiki: klassicheskie i sovremennye*

- teorii* [Sociology of Politics: Classical and Contemporary Theories]. Moskva: Novyj uchebnik [Moscow: New Textbook], pp.109–119. (in Russian)
- Martin R. (1999) The New “Geographical Turn” in Economics: Some Critical Reflections. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 23, pp. 65–91.
- Marks K., Jengel’s F. (1960) Sochinenija. 2-e izd. T. 23 [Writings. 2nd ed. Vol. 23]. Moskva: Izdatel’stvo politicheskoy literatury [Moscow: Political Literature Publishing House]. (in Russian)
- Massey D. (2004) Geographies of Responsibility. *Geografiska Annaler*, vol. 86B, pp. 5–18.
- Mitchell T. (1991) The Limits of the State: Beyond Statist Approaches and Their Critics. *American Political Science Review*, vol. 85, pp. 77–96.
- Newman D. (Ed) (1999a) Boundaries, Territory and Postmodernity. London: Frank Cass.
- Newman D. (1999b) Geopolitics Renaissance: Territory, Sovereignty and the World Political Map. *Boundaries, Territory and Postmodernity*. London: Frank Cass, pp. 1–16.
- November V. (2002) Les Territoires du Risque: Le Risque comme Objet de Réflexion Géographie. Berne: Peter Lang.
- Office for National Statistics (1998) United Kingdom National Accounts. London: The Stationery Office.
- Office for National Statistics (undated) Regional Accounts Methodology Guide. London: Office for National Statistics.
- Ohmae K. (1990) The Borderless World. London: Harper Collins.
- Paasi A. (1999) Boundaries as Social Processes: Territoriality in a World of Flows. *Boundaries, Territory and Postmodernity*. London: Frank Cass, pp. 69–88.
- Paasi A. (2003) Territory. *Companion to Political Geography*. Oxford: Blackwell, pp. 109–122.
- Painter J. (2005) State: Society. *Spaces of Geographical Thought*. London: Sage, pp. 42–60.
- Raffestin C. (1980) Pour une Géographie du Pouvoir. Paris: Litec.
- Robey H.J. (1876) A Grammar of the Latin Language from Plautus to Suetonius (Part 1). London: MacMillan.
- Sack R.D. (1986) Human Territoriality. Cambridge: Cambridge University Press.
- Storey D. (2001) *Territory*. Harlow: Prentice Hall.
- Swyngedouw E. (2004) Globalisation or “Glocalisation”? Networks, Territories and Rescaling. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 17, pp. 25–48.
- The Guardian (2004) Blunkett Calls for Spread of Gated Communities. 22 January.
- The Independent (2002) Giscard Predicts “End of EU” if Turkey Joins. 9 November.
- Weber M. (2016) Hozjajstvo i obshchestvo: ocherki ponimajushhej sociologii [Economy and Society: Essays in Interpretive Sociology]. Moskva: Izdatel’skiy dom Vyshej shkoly jekonomiki [Moscow: HSE University Publishing House]. (in Russian)